

**ПРЕДПОСЫЛКИ, ПРИЧИНЫ И ФАКТОРЫ СЛАВЯНИЗАЦИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ,
ВОСТОЧНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В ИСТОРИОГРАФИИ КОНЦА XX
– НАЧАЛА XXI ВЕКА**

Александр Литвинский

Барановичский государственный университет, Барановичи, Беларусь

В данной статье рассматриваются различные позиции исследователей, прежде всего, археологов по проблеме характера и движущих сил славянизации значительной части Европы. Кратко характеризуется каждая позиция. Показано влияние методологии научного исследования на конкретные выводы, к которым пришли специалисты в области этногенеза славян на протяжении анализируемого периода. Определены основные тенденции исследования процесса славянизации

Ключевые слова: *славяне, праславянский язык, историография, методология, этногенез, ареал обитания, прародина, миграции, славянизация, ассимиляция*

Научно-историческая и этнологическая проблема славянизации значительной части территории Европы была, есть и, по-видимому, еще долгое время будет весьма актуальной. Иными словами, говоря, в науке пока что нет убедительного объяснения факту распространения славянских языков и формирования славянских народов на этих землях – от Балтики до Черного моря и Адриатики, от Эльбы до верховьев Волги. Особенно удивительным выглядит данный факт при сравнении славянизации с сопоставимыми процессами (имеется ввиду распространение романских и германских языков – сопоставление здесь формально возможно и по занимаемой в отдельности романо- и германоязычным населением территории, и по числу народов соответствующих групп индоевропейской языковой семьи).

Так вот, романизация, как известно, имеет понятное и убедительное объяснение, заключающееся в существовании Римской мировой державы, в политической по своим истокам и характеру иррадиации римского культурного влияния на периферию государства, в распространении диалектов вульгарной латыни от Днестра до европейского побережья Атлантики и в формировании на их основе известных нам романских языков и народов. Неоспорим тезис, согласно которому эти народы складывались при участии доримских субстратов: кельтского, кельтиберского, дако-фракийского и других. Интересно, что инерция римского времени была настолько велика, что романизация продолжалась и после падения Западной Римской империи, несмотря на вторжения германцев.

У славян во второй половине I тыс. не было своей мировой державы, влиянием которой можно было бы объяснить славянизацию. Поэтому «романская» модель этноязыковой трансформации здесь не подходит. Между тем, в распространении своего языка (или языков) славяне весьма преуспели по сравнению с германцами. Как уже мы отмечали в одной из своих работ, германцы в результате Великого переселения народов не смогли существенно расширить ареал своего обитания и были ассимилированы теми же романскими народами (речь здесь идет, разумеется, не об основном ареале обитания германцев, а о территориях Западной, Юго-Западной и Южной Европы, на которых существовали варварские королевства) [1, с. 186]. Славяне же заняли значительную территорию, в том числе включавшую в себя земли, которые, согласно сведениям исторических источников, в прежние времена (до VI в.) им не принадлежали [2, с. 42—44, 47]. Но каким образом они это сделали, до сих пор наука не знает. А ведь это, пожалуй, главный вопрос в рамках проблемы славянского этногенеза и ранней истории славян.

В историографии конца XX – начала XXI в. предлагались и предлагаются различные варианты ответа на этот вопрос, во многом зависящие от методологических установок исследователя, в том числе априорного характера, предполагающего наличие

некоторого комплекса идей, являющегося не столько результатом научной интерпретации богатейшего эмпирического материала, сколько усвоения общих представлений о происхождении славян, почерпнутых из предыдущей славистической традиции и не во всех случаях этим материалом подтверждаемых с достаточной степенью убедительности.

Один из таких вариантов заключается в том, чтобы отстаивать позицию, согласно которой славян изначально было много. Из достаточно известных заинтересованному «постсоветскому» читателю работ, вышедших в конце XX в., в которых явственно выражена данная позиция, необходимо отметить капитальный труд Б. А. Рыбакова [3], в котором он изложил свои взгляды по проблеме происхождения славян [3, с. 11—108] (впрочем, фактически такие же взгляды излагались им и в других солидных работах, к примеру, «Геродотова Скифия» — М., 1979; «Язычество древних славян» — М., 1981 [4, с. 211—212]).

Рассматриваемая здесь и в других работах предковая для исторических славян этноязыковая общность, корни которой автор видит в Тшцинецко-Комаровской археологической культуре, занимавшей просторы между Одером и Днпром, понимается Б. А. Рыбаковым как весьма устойчивая, в целом сохраняющая свою сущность на протяжении многих веков. В русле подобных взглядов вопрос о характере славянизации в значительной мере перестаёт быть интригующим с научной точки зрения, если вести речь о западных и восточных славянах (выходит, что они осваивали новые территории путём инфильтрации с земель своей широкой прародины – особенно это характерно для восточных славян, в отличие от западных значительно расширивших ареал своего обитания), и сводится к проблеме заселения Балканского полуострова, которая не входила в круг первоочередных научных интересов Б. А. Рыбакова.

Однако, чем дальше, тем больше для многих исследователей, по мере накопления эмпирического материала, становилась очевидной схематичность позиции Б. А. Рыбакова. Соответственно, она за это критиковалась. Например, М. Б. Щукин, делая это в корректной форме, всё же указывал на то, что и Пшеворская, и Зарубинецкая, и Черняховская археологические культуры относились вовсе не к славянскому миру, как это получалось в научно-теоретических построениях Б. А. Рыбакова, а к миру германскому, как и предковая для них Ясторфская археологическая культура, которую уж никак не отнесёшь к славянским [5, с. 114—115].

Можно добавить, что позиция Б. А. Рыбакова уязвима еще и из соображений лингвистического характера. В рассматриваемом случае очень трудно объяснить, как так получилось, что славяне, издревле расселённые на широких просторах, к моменту выхода на историческую арену сохранили относительное языковое единство – ведь можно было ожидать значительно большего расхождения в славянских языках, чем мы наблюдаем даже сейчас.

Впрочем, в этом отношении маститый историк и археолог ориентировался на достаточно рано возникшую в рамках славяноведения компаративистскую традицию, подкреплённую мнениями многих авторитетов, согласно которой праславянский язык уже должен был существовать самое позднее в I тыс. до н. э. К примеру, как утверждал советский лингвист Г. А. Хабургаев, «наиболее ранним историческим памятником, составленным в период, когда праславяне (а точнее – носители праславянской речи!) уже должны были существовать, является известное сочинение Геродота, излагающее, в частности, накопленные античными историками и географами к середине I тысячелетия до н. э. сведения о населении Центральной и Юго-Восточной Европы» [6, с. 70].

Интересно, что далее по тексту языковед последовательно отрицает славянскую принадлежность упомянутых Геродотом народов Скифии (фактически Восточной Европы) [6, с. 70—72]. Получается несколько странная вещь: праславянская речь уже существовала, а вот с её носителями во времена «отца истории» — неопределённость (тогда на каком основании утверждается о праславянском языке как реалии середины I тыс. до н. э.?). Следующие рассуждения автора сводятся к тому, что какой-то очерченной и довольно-таки стабильной в пространственном и временном отношениях

славянской прародины, в традиционном понимании локализуемой на территории распространения праславянского языка, в общем-то и не существовало, и можно лишь говорить об ареале, занимаемом праславянами перед началом их экспансии [6, с. 74—78] (но в таком случае не выходит ли, что праславянский язык нельзя соотнести ни с какой человеческой общностью, и он тогда предстаёт перед исследователем как некая «вещь в себе», лишенная исторического содержания?). Кстати, противореча себе, Г. А. Хабургаев высказывает предположение о том, что районом формирования праславянской общности мог быть «обширный район от Среднего Поднепровья до Южной Прибалтики» [6, с. 83].

Таким образом, мысль о том, что праславяне (хотя бы как носители соответствующего языка) уже издревле и в относительно большом количестве занимали обширные просторы Европы, сталкивается, по нашему мнению, с очевидными трудностями методологического характера (некоторая аморфность в определении первоначального ареала обитания, восполнение явного дефицита информации исторических источников не очень-то верифицируемыми предположениями, невозможность с достаточной научной корректностью проследить линию преемственности связываемых с данной этноязыковой общностью археологических культур, недостаточный учет нелинейности и противоречивости исторического развития).

В рассматриваемый период были опубликованы работы, в которых прослеживается схема славянизации, не предполагающая в качестве одного из компонентов тезис об изначально широком ареале обитания славян [7—10]. Для данных работ в той или иной степени характерно такое понимание славяногенеза, согласно которому на протяжении столетий, еще до выхода славян на широкую историческую арену в VI в., происходил своеобразный процесс филиации первоначальной праславянской общности с территории прародины («исторически известные «переселения», скорее, были выселениями части избыточного населения при сохранении основного ядра на исконной территории» [8, с. 4]), которая первоначально не была слишком большой, хотя варианты её локализации не совпадают у различных авторов [11]. Правда, при этом учитывается возможность временного уменьшения данного ареала в силу неблагоприятных для праславян геополитических обстоятельств, связанных с экспансией иных этнических групп [8, с. 128—131; 10, с. 6].

Данный процесс в такой интерпретации можно сравнить (образно, разумеется) с растеканием воды или другой жидкости. Если само образование праславянского этноса в рамках такого подхода представляет собой первый этап славянизации, то постепенное расширение ареала обитания предков исторических славян – это её второй этап, а интенсификация данного процесса, произошедшая уже в историческое для славян время (во второй половине I тыс.) и приведшая к этнической дифференциации и образованию новых народов, в том числе, и в результате миксации – соответственно, третий.

Однако, если и принимать к рассмотрению версию о филиации и о некотором смещении славянского ареала, то приходится, опять же, иметь дело с перечисленными выше методологическими трудностями, главная из которых заключается в недостаточно убедительном выведении исторических славян из общностей, праславянская принадлежность которых не доказана.

Возможный выход из ситуации методологического тупика намечен в работах, авторы которых не стремятся удревять историю славян, а стараются найти их истоки в эпохе, непосредственно предшествовавшей появлению славян под своим именем в письменных источниках [4; 5; 12—17]. Соответственно, предпосылки славянизации они видят не в периоде распада индоевропейской общности и заселении Европы отдельными группами еще слабо дифференцированных индоевропейцев и не в реалиях раннего железного века, а в событиях римского времени (не раньше II в. до н. э.), а то и в более поздних событиях, относящихся уже к началу нашей эры [18]. При этом первый этап славянизации Европы, связанный с самим возникновением славянского этноса связывается с геополитическими процессами происходившими на рубеже эр и в первой половине I тыс. н. э. – обычно от миграции бастарнов и образовании Зарубинецкой археологической культуры до гуннского нашествия. В этом случае заметна также

тенденция считать одной из предпосылок славянизации выделение праславянского языка из балтского языкового континуума.

В рамках такой позиции подчеркивается довольно-таки сжатый во времени, взрывообразный характер славянизации. Как отмечает М. Б. Шукин, «Волей случая балто-славянский континуум в целом получил от соседних народов имя венетов. Зачатки же собственного славянского самосознания могли зародиться, скорее всего, в рамках того социального единства, которое нашло свое археологическое выражение в виде Киевской культуры», а затем содержимое «венетского котла», образовавшегося на территории данной археологической культуры, после разгрома гуннов в битве при Недао «выплеснулось на освободившиеся пространства» [5, с. 143].

Хотя С. Е. Рассадин несколько по-иному расставляет акценты, он также усматривает предпосылки славянизации в тех же самых событиях и процессах, что и М. Б. Шукин. Первыми славянами, на его взгляд, были выходцы с территории Киевской культуры, которые «преобразились» под гуннским влиянием, порвав с «дедовским укладом», характерным для жителей лесной зоны Восточной Европы [4, с. 284].

Если предпосылки и, в какой-то мере, причины славянизации значительных территорий Европы этой группой исследователей объяснены, как мы считаем, вполне удовлетворительно, то этого не скажешь относительно объяснения успеха этой славянизации. Упомянутый выше взрывообразный характер расселения славян, столь наглядно отраженный на обложке подготовленного М. Казанским издания [16], требовал людских ресурсов, особенно если речь шла о заселении Балканского полуострова, на который славяне явились незваными гостями и, разумеется, там встретили сопротивление византийцев. Возможны, конечно, варианты объяснения (демографический взрыв, ассимиляция славянами местного населения, малочисленность и дезорганизованность конкурентов славян в борьбе за «место под солнцем»), но все они кажутся слишком умозрительными, гипотетичными, нуждающимися в серьезном подкреплении эмпирическим материалом, что не так-то просто сделать ввиду недостаточности и противоречивости этого самого материала.

Попытку разом решить проблему славянизации (так сказать, разрубить гордиев узел) предпринял американский исследователь Ф. Курта [19]. Он фактически отказался следовать традиционной парадигме, сложившейся в рамках славистики, и, если можно так выразиться, отнял у славян предысторию, поскольку утверждал о том, что они – суть создание византийцев, отрицая при этом и наличие у них прародин, и их миграции с территории Пражской археологической культуры, признаваемой подавляющим большинством исследователей в качестве первой бесспорно славянской [19, с. 349—350].

Но если миграций, согласно Ф. Курте, не было, как же объяснить появление славяноязычных народов на исторической карте Европы? Ответ ученый предложил в виде тезиса о выполнении славянским языком функции средства общения в Аварском каганате [19, с. 345]. Надо так понимать, что население этого государства перешло на славянский, вот и окончательно оформились славяне как языковая общность. Правда, при этом остаётся непонятным, откуда в регионе появился славянский язык, в наибольшей степени, между прочим, отражающий реалии лесной зоны Центрально-Восточной Европы, и почему именно он, а не какой-нибудь другой, более престижный, занял столь почетное место в каганате.

Подводя итоги, необходимо отметить, что в историографии конца XX – начала XXI в. славянизация отдельных регионов Европы характеризуется с позиций, во-многом обусловленных методологическими установками ученых, позволяющими по-разному интерпретировать информацию различных наук, в рамках которых происходит исследование этногенеза славян. Постепенно набирает силу тенденция к сужению хронологических рамок славянизации за счет отказа от поиска слишком уж глубоких корней рассматриваемой этноязыковой общности, однако она, пожалуй, еще не стала преобладающей. Признаётся многофакторность данного процесса, предполагающая сочетание миграций и ассимиляции славянами иного по этническому происхождению населения. И всё же причины славянизации пока что до конца не выяснены, как и не выяснено само происхождение славян.

1. *Литвинский, А. В.* Примордиализм и конструктивизм в исследовании этногенеза славян (конец XX — начало XXI века) / Государства Центральной и Восточной Европе в исторической перспективе: сб. научн. ст. по мат. II Междунар. научн. конф., Пинск 24—25 ноября 2017 г. : в 2 ч. / Полес. гос. ун-т ; под ред. Р. Б. Гагуа. — Пинск : ПолесГУ, 2017. — Вып. 2. — Ч. 1 — 227 с. — С. 185—192.
2. Вялікі гістарычны атлас Беларусі: У 3-х тамах. Том 1. Пад рэд. В. Л. Насевіча. — Мінск: «Белкартаграфія», 2009. — 246 с.
3. *Рыбаков, Б. А.* Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. / Б. А. Рыбаков — Москва : Издательство «Наука», 1982. — 591 с.
4. *Рассадин, С. Е.* Первые славяне. Славяногенез / С. Е. Рассадин. — Минск : Белорусский экзархат, 2008. — 288 с.
5. *Щукин, М.* Рождение славян. Из истории вопроса. Два пути ретроспективного поиска. / М. Щукин // Стратум. Структуры и катастрофы. — 1997. — С. 110—147.
6. *Хабургаев, Г. А.* Этнонимия «Повести временных лет» / Г. А. Хабургаев. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979. — 232 с.
7. *Баран, В. Д.* Давні слов'яни / В. Д. Баран. — К. : Альтернативи, 1998. — 336 с.
8. *Загорюльский, Э. М.* Славяне: происхождение и расселение на территории Беларуси / Э. М. Загорюльский. — Минск : БГУ, 2012. — 367 с.
9. *Седов, В. В.* Славяне: историко-археологическое исследование / В. В. Седов. — М. : Языки славянской культуры, 2002. — 624 с.: ил.
10. *Трубачёв, О. Н.* Этногенез и культура древнейших славян: Лингвистические исследования / О. Н. Трубачёв. — М., «Наука», 2003. — 489 с.
11. *Литвинский, А. В.* Методологические аспекты локализации прародины славян в историографии конца XX — начала XXI века // Вестник БарГУ. Серия «Исторические науки и археология. Экономические науки. Юридические науки». Выпуск 6, декабрь, 2018. — С. 28—36.
12. *Гавритухин, И. О.* Понятие Пражской культуры / И. О. Гавритухин // Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света. Труды ГЭ. — Вып. XLIX. — СПб. — 2009. — С. 7—25.
13. *Гавритухин, И. О.* Дунайский «страт» славянской археологии. От редакторов этого номера. / И. О. Гавритухин // Stratum plus. Славяне на Дунае. Обретение Родины.= The Slavs on the Danube. Homeland found. — Санкт-Петербург, Кишинёв, Одесса, Бухарест, 2015. — № 5 — С. 17—26.
14. *Лебедев, Г. С.* Археолого-лингвистическая гипотеза славянского этногенеза / Г. С. Лебедев // Славяне. Этногенез и этническая история (междисциплинарные исследования) : межвузовский сб. науч. статей / науч. ред. А. С. Герд, Г. С. Лебедев. — Л. : Издательство Ленинградского университета, 1989. — С. 105—115.
15. *Мачинский, Д. А.* Некоторые предпосылки, движущие силы и исторический контекст сложения Русского государства в середине VIII — середине XI в. / Д. А. Мачинский // Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света. Труды ГЭ. — Вып. XLIX. — СПб. — 2009. — С. 460—538.
16. *Kazanski, M.* Les Slaves. Les origines (Ier — VIIe siècle après J.-C.) / M. Kazanski. — Paris: Errance, 1999. — 159 p.
17. *Фурасьев, А. Г.* О роли миграций в этногенезе ранних славян // Истоки древнерусской государственности. [Электронный ресурс]. СПб. — 2009. — Режим доступа : <http://www.archaeology.ru/p5/t1800/index.html>. — Дата доступа : 14.04.2014.
18. *Литвинский, А. В.* Хронология славянского этногенеза: основные концептуальные подходы в историографии конца XX – начала XXI в. / Менталитет славян и интеграционные процессы: история, современность, перспективы : материалы X междунар. науч. конф., Гомель, 25—26 мая 2017 г. / М-во образования Респ. Беларусь [и др.] ; под общей ред. В. В. Кириенко. — Гомель : ГГТУ им. П. О. Сухого, 2017. — 307 с. — С. 161—164.
19. *Curta, F.* The Making of the Slavs: History and Archaeology of the Lower Danube Region, c. 500—700. (Cambridge Studies in Medieval Life and Thought, Fourth Series) / F. Curta. — Cambridge; New York : Cambridge University Press, 2001. — 466 p.

BACKGROUND, CAUSES AND FACTORS OF THE SLAVICIZATION OF CENTRAL, EASTERN AND SOUTHEAST EUROPE IN THE HISTORIOGRAPHY OF THE LATE XX – EARLY XXI CENTURIES

Aliaksandr Litvinski

PhD, Baranovich State University, Baranovich, Belarus

litvinski@inbox.ru

Summary: This article discusses the different positions of researchers, primarily archaeologists on the nature and driving forces of the Slavicization of a significant part of Europe. Each position is briefly characterized. The influence of the methodology of scientific research on the specific conclusions that experts in the field of ethnogenesis of the Slavs during the analyzed period is shown. The main trends in the study of the Slavization process are determined.

Keywords: *Slavs, Proto-Slavic language, historiography, methodology, ethnogenesis, habitat, ancestral homeland, migration, Slavization, assimilation.*